

УДК 821.111.09

ОБРАЗ ЛОНДОНА В СТАТЬЯХ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА СКВОЗЬ ПРИЗМУ «СВОЕГО» – «ЧУЖОГО»

© Тамара Селитрина

THE IMAGE OF LONDON IN THE ARTICLES OF HENRY JAMES THROUGH THE PRISM OF “OUR” AND “THEIR”

Tamara Selitrina

It is known that the favourite theme of the American author Henry James was the clash of two cultures: European and American. As a theoretical basis, we used the thesaurus approach, developed by V. A. Lukov, to analyse Henry James's essay “London”. The scholar regarded the thesaurus in literary and cultural studies as a corpus of subjective ideas of the world, man and society, structured on the basis of “our” and “their”. The fate of James reflected his own peculiar psychological situation: throughout his life the writer perceived himself as if being between two worlds, two continents. Upon his arrival in London in 1876 – “the murky modern Babylon”, he assessed the city in the style of pro and contra – on the one hand, he was overwhelmed by the incredible size of the city, on the other – he was captivated by the architecture of the city, its parks, lively islands of rural England, described in the spirit of Constable. The city itself, its general plan is depicted in the spirit of Turner's paintings. From the point of view of an outsider, James describes aristocratic London, a cavalcade of riders in Hyde Park early in the morning and, concurrently, a group of working people and the unemployed, for whom London parks are the only place to relax. In the look of London, in its architecture, James clearly distinguishes the East End and the West End. The author also compares Paris, rebuilt by Baron Haussmann, and London, which doesn't have any general architectural plan. On the whole, this impressionistic picture of London reveals the author's hypertrophied attention to the feelings and emotions associated with the assessment of the city in the system of “our” and “their”.

Keywords: Henry James, London, parks, architecture, thesaurus, Lukov, “our” - “their” – “alien”.

Известно, что излюбленной темой американца Генри Джеймса было столкновение двух культур: европейской и американской. Для анализа очерка Генри Джеймса «Лондон» в качестве теоретического основания применен тезаурусный подход, разработанный В. А. Луковым. Ученый рассматривал тезаурус в литературоведении и культурологии как структурированную по основанию «свое» – «чужое» совокупность субъективных представлений о мире, человеке, обществе. Судьба Джеймса отразила его своеобразную психологическую ситуацию: всю жизнь писатель ощущал себя как бы между двумя мирами, двумя континентами. Оказавшись в Лондоне в 1876 году – «в этом сумрачном современном Вавилоне», он охарактеризовал город в стилистике pro и contra: с одной стороны, его подавляет невообразимая величина города, с другой – его пленяет архитектура города, парки, живые островки сельской Англии, описанные в духе Констебля. Сам город, его общий план предстает в духе полотен Тернера. С точки зрения стороннего пешехода, Джеймс описывает аристократический Лондон, кавалькаду всадников ранним утром в Гайд-Парке и – параллельно – группу рабочего люда и безработных, для которых парки Лондона становятся единственным местом для отдыха. В облике Лондона, в его архитектуре Джеймс четко различает Ист-Энд и Вест-Энд. Писатель также сравнивает Париж, перестроенный бароном Османом, и Лондон, не имеющий общего архитектурного плана. В целом в этой импрессионистической картине Лондона проявляется гипертрофированное внимание автора к ощущениям и волнениям, связанным с оценкой города в системе «свое» – «чужое».

Ключевые слова: Генри Джеймс, Лондон, парки, архитектура, тезаурус, Луков, «свое» – «чужое» – «чуждое».

По мнению российских и зарубежных исследователей, Генри Джеймс по преимуществу обращался к двум излюбленным темам: взаимоотношению американцев и европейцев, столкнове-

нию наивного неискушенного сознания с миром алчности и денежных интересов. Часто обе эти темы были взаимосвязаны. Всю жизнь писатель ощущал себя как бы между двумя мирами, двумя

континентами. Полагаю, что очерк Генри Джеймса о Лондоне, построенный на сопоставлении и противопоставлении «своего» – «чужого» – «чуждого», можно соотнести с тезаурусным подходом в изучении культуры и литературы. Известный российский ученый В. Луков, разрабатывавший понятие тезауруса в филологии и культурологии, считал, что тезаурус – «это структурированная по основанию „свое“ – „чужое“ совокупность субъективных представлений о мире, человеке, культуре» [Луков, с. 15]. Ученый доказывал, что в центре тезауруса находится «свое», а на периферии – «чужое и чуждое». Любая информация, по мнению Лукова, проходит через призму «своего» – «чужого» – «чуждого». Причем, заметил В. А. Луков, тезаурус (как характеристика субъекта) строится не от общего к частному, а от «своего» к «чужому». «Свое» выступает заместителем «общего».

Американский писатель Генри Джеймс обосновался в Лондоне в 1876 году. До переезда он эпизодически жил в Париже, посещая спектакли «Комеди Франсез», встречаясь с Иваном Тургеневым, Флобером, Золя, Гонкурами и Доде. Разумеется, он вынужден был общаться и с соотечественниками, но они казались ему по большей части «унылыми и неинтересными»:

Their society had become a kind of obligation, and it had much to do with my suddenly deciding to abandon my plans of indefinite residence, take flight to London and settle there as I could [James, 1947, с. 26].

Их общество было для него «обузой» и, по его словам, «отчасти из-за них» он решил не оставаться в Париже навсегда, как планировал ранее, а «бежать в Лондон».

I remember how Paris had, in a hundred ways, come to weary and displease me; I couldn't get out of the detestable American Paris. Then I hated the Boulevards, the horrible monotony of the new quarters. I saw, moreover, that I should be an eternal outsider [Там же].

Ему хотелось выбраться из «отвратительно-американского Парижа», который стал «утомлять и разочаровывать». Из-за своих сограждан, которые ему встречались буквально на каждом шагу, он, по его словам, «возненавидел бульвары, ужасное однообразие новых кварталов». Джеймс понял, что «своим» ему здесь «не быть никогда». В Лондон он уехал в ноябре 1876 года, повинаясь внутреннему голосу: «Go to; I will try London» [Там же, с. 27]. – «Поезжай. Попробуй жить в Лондоне». Сыграло свою роль и письмо от брата Уильяма, в котором он также предложил Джеймсу поехать в Лондон: «Why

don't you? – That must be the place» [James, 1947, с. 27]. – «По-моему, это именно то, что тебе нужно». Всего одно слово со стороны, по заверению Джеймса, оказало магическое действие. Он «попробовал» жить в Лондоне, который превзошел все его самые смелые ожидания. Джеймс признавался:

I have become very fond of; it is an anchorage for life. <...> conscious of a ferocious homesickness which makes me think of the day when I shall next see the white cliffs of old England [Там же]. – Я ужасно полюбил его, он стал моим якорем на всю жизнь.

Спустя годы, в 1882 году, в Бостоне, испытывая «жуткую, ни с чем не сравнимую тоску по Англии», он мечтал о том дне, «когда в английском тумане проступят белые скалы Дувра».

Его первый очерк о Лондоне появился в 1888 году, затем он был опубликован в сборнике «London And Elsewhere» («Лондон и везде»), а затем перепечатан в сборнике «Английские часы» в 1905 году. Спустя двадцать лет, ранней весной, в дождливое сумрачное воскресенье, сидя за письменным столом, он вспоминал свои первые впечатления от Лондона. Оглядываясь назад, он с исключительной остротой ощущал всю совокупность памятных мгновений. Само прибытие в Ливерпуль во время его первой поездки представлялось ему ярким, как начало новой эры, как своеобразный ритуал:

It was expectation exquisitely gratified, superabundantly confirmed [James, 1979, с. 514]. – Все мои ожидания были полностью удовлетворены и более чем полностью подтверждены.

Как и в дневнике 1876 года, он вновь признается в своем желании погрузиться в этот «сумрачный современный Вавилон» («the murky modern Babylon»):

Все эти моменты до сих пор живы в моей душе. – I find every small circumstance of those hours of approach and arrival still vivid [Там же].

Читатель ощущает одновременное присутствие в каждом моменте настоящего двух времен: прошедшего и настоящего.

В Ливерпуле он впервые почувствовал «английскость» атмосферы, сам английский характер. Это вызвало в нем удивление, но не шок:

Liverpool is not a romantic city <...> England should be as English as, <...>, she took the trouble to be <...>. Spring was already in the air, in the town; <...> and the grey mildness, shading away into black at every pretext, appeared in itself a promise [Там же].

«Англия должна быть английской», – признается он себе. Ливерпуль он называет «*неромантическим городом*», пароходы на причале буквально упирались своими мачтами в нависшее над городом мрачное небо, хотя «*приход весны уже ощущался, но лучи солнца едва пробивались сквозь мрачную завесу облаков*». Затем в поезде, следующем в Лондон, незнакомый попутчик советует ему в первую очередь осмотреть Собор Святого Павла, поскольку, по общему мнению, он более величествен, нежели Собор Святого Петра в Риме. Джеймса покоряет «*громкость города*», он находит в этом своеобразный «*шарм*»: «*The immensity was the great fact, and that was a charm*» [Там же, с. 516], – однако не обошлись без внимания писателя и закопченные от угля дома на подъезде в город, напоминающие перевернутые ведра для угля, и слабый свет винных лавчонок.

Собор Святого Павла, в самом деле, показался ему изумительным: ведь он воочию видел шедевр Кристофера Ренна. Оказавшись перед Temple Bar, он вспомнил строки из теккереевского «Генри Эсмонда», когда персонажу Теккереева элементы декора показались садами Эдема. Впечатление Джеймса от статуи королевы Анны – «*<...> she struck me as very small and dirty*» («*маленькой и безобразной*») – полностью совпадали с впечатлениями Генри Эсмонда, «*героя несравненного романа*»:

All history appeared to live again, and the continuity of things to vibrate through my mind [Там же, с. 517]. – История вновь ожила и вибрировала в моей душе.

Вдохновенная чуткость Джеймса отражает всю непрерывность живого сознания. Он пишет «*о целом облаке ассоциаций*», охвативших его в Лондоне, обязанных чтению «Панча», Теккерееву, иллюстрированным лондонским журналам, памяти, идущей из собственного детства. Процесс воспоминания связан и с ароматом парфюмерных магазинов мистера Риммеля, и незабываемыми встречами со своей соотечественницей:

I see the slim young lady <...> who waited upon me there. Sacred to me to-day is the particular aroma of the hair-wash that I bought of her [Там же]. – Вновь я вижу изящную молодую леди, спешащую навстречу мне, вновь ощущаю аромат ее духов.

Обаяние прошлого ощущается и в воспоминаниях писателя о его гостиничном номере на первом этаже, описанном в духе обожаемого им Бальзака. В незнакомом городе у него появилось «*убежище*», «*уютный уголок*» с громадной кро-

ватью и пологом, свечой, отбрасывающей огромную тень, напоминающую ему один из рассказов Вашингтона Ирвинга. Стену украшала безликая декоративная литография, на столе стояла ваза с цветами, тусклый дневной свет едва проникал в окна его жилища. Мимо гостиницы проходила дорога на Пиккадилли, поэтому окрестности оглашались шумом «*бессердечных*» экипажей, карет и повозок. Джеймс пишет о внезапном ужасе, охватившем его, будто за ним наблюдал «*притаившийся неподалеку тигр*»: «*like a tiger-pounce*» [Там же]. Образ тигра не выделяется в самодовлеющую реальность, но приподнимает завесу над чем-то таинственным, устрашающим. Ранее, в 1869 году, в свой кратковременный приезд в Лондон он писал сестре о том, что на него «*давило ощущение огромности Лондона, его невообразимой величины*», давило так, что его «*парализованный разум отказывался воспринимать частности. Город сидит на тебе, висит на тебе, топчет тебя*» [Акройнд, с. 317].

В 1876 году Лондон показался ему «*hideous, vicious, cruel, and above all overwhelming; <...> she was as indifferent as Nature herself to the single life*» [James, 1979, с. 518]. – «*отвратительным, порочным, безразличным к самой Природе людей и к каждому в частности*». Писатель даже готов был не выходить из дома, чтобы не окутаться в этот inferнальный мир. Лондон, по мнению Джеймса, и не мог быть по вкусу каждому, но для истинного любителя Лондона –

It is, no doubt, not the taste of every one, <...> one lives in a quarter, in a plot; but in imagination and by constant mental act of reference the accommodated haunter enjoys the whole [Там же, с. 519]. – Подобное громадное пространство по вкусу: всякий живет в Лондоне в своем квартале, но воображение способно представить весь громадный масштаб города.

На его взгляд, язык Лондона может сам по себе считаться отдельной страницей:

It takes a very great affair, a turn of the Irish screw <...> the mind of Mayfair [Там же, с. 520]. – Он говорит на тысячи разных ладов. <...> Здесь услышишь и ирландский акцент, и интеллект и разум Мэйфера.

Лондон, по его мнению, в самом деле, стал олицетворением всего мира. Джеймс видит в Лондоне

<...> a great variety, <...> the whole procession of events and topics passes across your stage [Там же]. – <...> великое разнообразие, мириады очертаний, бесконечное изобилие сцен и персонажей, где все события совершаются, словно в театре.

Ему представляется, что

<...> the great city spreads her dusky mantle over innumerable races and creeds <...> as the great city makes everything, it makes its own system of weather and its own optical laws [Там же, с. 525]. – <...> великий город раскинул свой покров над многочисленными расами и верованиями. <...> Великий город творит все, в том числе свой погодный мир и свои оптические законы. Даже свет в Лондоне пробивается сквозь пелену облаков. Таким образом, Лондон становится самым романтическим городом мира.

Вообще, весь рисунок Лондона в этом очерке построен на противопоставлениях. По мнению писателя, говорить о Лондоне здраво и беспристрастно не просто. В «Записных книжках» он отмечает:

It is not a pleasant place; it is not agreeable, or cheerful, or easy, or exempt from reproach [James, 1947, с. 27]. – Легким для жизни этот город не назовешь; он не радует глаз, не весел, неудобен для жизни, не лишен многих недостатков.

И после этой тирады Джеймс заявляет: «*It is only magnificent*» [Там же]. – «*Он всего лишь великолепен*». Затем писатель вновь приводит длинный список доводов, доказывающих, что Лондон «*совершенно непереносим*»:

You can draw up a tremendous list of reasons why it should be insupportable. The fogs, the smoke, the dirt, the darkness, the wet, the distances, the ugliness, the brutal size of place, the horrible numerosity of the society, the manner in which this senseless bigness is fatal to amenity, to convenience, to conversation, to good manners – all this and much more you may expatiate upon. You may call it dreary, heavy, stupid, dull, inhuman, vulgar at heart and tiresome in form [Там же, с. 28].

Среди них он называет «*туманы, дым, грязь, сумрак, сырость, расстояния, уродство, исполинские размеры, несметное число людей... Вы вправе назвать его безотрадным, громоздким, глупым, тупым, бесчеловечным, изнурительным по форме и вульгарным по своей сути*». Но подобные настроения, замечает Джеймс, все-таки мимолетны, и Лондон из всех городов остается для него «*самым приемлемым*»:

I take it as an artist and as a bachelor; as one who has the passion of observation and whose business is the study of human life. It is the biggest aggregation of human life – the most complete compendium of the world. The human race is better represented there than anywhere else, and if you learn to know your London you learn a great many things. <...> I used to take long walks in the rain. I took the possession of London [Там же]. – Я же воспринимаю Лондон как художник и как холостяк,

как человек, наделенный наблюдательностью и призванный изучать человеческую жизнь.

Джеймс признается, что «*Лондон – величайшее средоточие человеческих жизней, самый полный компендиум в мире. Человеческая особь представлена в этом городе лучше, полнее, чем где бы то ни было, если Лондон откроет перед вами свои двери, то вам откроется многое*». Он вспоминает, что «*подолгу гулял под дождем*», «*овладевая*» Лондоном, «*присваивая*» его себе.

Джеймс пишет, что в этом городе «*многое пережил, многое перечувствовал, многое передумал, многому научился, многое сотворил*»:

I have lived much there, felt much, thought much, learned much, produced much [Там же, с. 27].

По его словам, главным жизненным источником романа «Княгиня Казамассима» (1886) [Селитрина] был Лондон – «*the great grey Babylon*» [James, 1934, с. 59]. – «*великий серый Вавилон*», а герой романа «*выпрыгнул перед ним из лондонской мостовой*»: «*<...> he sprang up for me out of London pavement*» [Там же, с. 60]. Джеймс признавался в предисловии к роману, что сам замысел романа родился буквально в течение первого года проживания в Лондоне в результате полезной привычки ходить пешком. Эти прогулки давали ему массу впечатлений о жизни самых разнообразных слоев общества.

One walked of course with one's eyes greatly open, and I hasten to declare that such a practice, carried on the part of everything, to be interpreted and, so far as may be, reproduced. "Subjects" and situations, character and history, the tragedy and comedy of life, are things of which the common air, in such conditions, seems pungently to taste; and to mind curious, before the human scene, of meanings and revelations the great grey Babylon easily becomes, on its face, a garden bristling with an immense illustrative flora [Там же, с. 59]. – Обычно люди во время своих прогулок внимательно присматриваются ко всему, что их окружает, и если заниматься подобной практикой длительное время, то всякий начинает чувствовать, что все вокруг непостижимым образом стремится, требует получить свое истолкование и, насколько возможно, получить свое отображение на бумаге. «Сюжет», ситуация, персонаж, фабула, трагические и комические моменты жизни – сами эти слова источают особый аромат, а перед внутренним взором внимательного человека немедленно возникает великий древний Вавилон значений и открытий, весь покрытый великолепными садами.

На рубеже XIX–XX веков Джеймса часто называли английским писателем, имея на то основания. Поскольку он был непосредственным участником литературной жизни Англии, среди его

друзей были Стивенсон, Конрад, Уэллс, Форд, Честертон и др. Сам Джеймс часто говаривал: «Мы – англоамериканцы». Судьба его была тесно связана с Лондоном, английской литературой, английской культурой.

Наблюдается гипертрофированное внимание автора к ощущениям и волнениям. Внешние детали окружающего мира пристально разглядываются, отражаются в импульсах, воздействующих на ум и сердце. Внимание переносится с возбудителя интереса на возбужденный интерес. Автор создает общий рисунок города в духе картин Тернера: пейзажи Лондона представляются ему «самыми романтическими городскими видами, которые <...> создают атмосферу дружески расположенного пространства в таинственных тонах безотносительно к времени суток и сезону». Его поражает

<...> величественная сфера неба, где дым, и туман, и погода представляют собой целостную картину, равно как и испарения фабрик, алые отблески и неясные очертания, которые могут быть или не быть закатом, поскольку вы никогда не видите самого источника света, который определить невозможно, поскольку все в замешательстве, спутанности, словно подвижный, но вечный полог, все это образует некий обертон глубокого извечного голоса этих мест. <...> Таким образом, Лондон нельзя назвать счастливым. <...> Но с другой стороны, британская столица – совершенно особое место в мире, которое способно приобщить к величавому чувству жизни. – They colour the thick dim distances which in my opinion are the most romantic town-vistas in the world; they mingle with aperture <...> which makes an interior of friendly corners, mysterious tones, and unbetrayed ingenuities, as well as with the low, magnificent medium of the sky, where the smoke and fog and the weather in general, the strangely undefined hour of the day and season of the year, the emanations of industries and the reflection of furnaces, the red gleams and blurs that may or may not be of sunset – as you never see any source of radiance, you can't in the least tell – all hang together in a confusion, a complication, a shifting but irremovable canopy. They form the undertone of the deep, perpetual voice of the place. <...> According to these other reasons it plausibly and conclusively stands that, as a place to be happy in, London will never do. <...> It is at such hours as this that he reflects with elation that the British capital is the particular spot in the world which communicates the greatest sense of life [James, 1979, с. 521].

Джеймс называет себя «приемным сыном Британии», соглашаясь с Готорном, который называл ее «домом человеческой расы»:

<...> the capital of the human race happens to be British <...> after all, if the sense of life is greatest there, it is a sense of the life of people of our consecrated English speech [Там же].

Даже кокни, по мнению автора, может с сознательной гордостью признать, что он покорился «лондонизации». Писатель констатирует, что «столица человеческой расы оказалась британской» и именно в ней «смысл жизни обретает наибольший масштаб, поскольку это смысл жизни людей, владеющих нашей священной английской речью».

Джеймс убежден:

For a man of letters who endeavours to cultivate, however modestly, the medium of Shakespeare and Milton, of Hawthorne and Emerson, who cherishes the notion of what it has achieved and what it may even achieve, London must ever have a great illustrative and suggestive value, and indeed a kind of sanctity. It is the single place in which most readers, most possible lovers, are gathered together; it is the most inclusive public and the largest social incarnation of the language, of the tradition [Там же]. – Для литератора, который стремится подражать, хотя и скромно, речи Шекспира и Мильтона, Готорна и Эмерсона, который лелеет идею, что он добился и чего он может еще добиться, Лондон должен представляться крайне живописным и наводящим на размышления, и в самом деле, местом, своего рода священным. Это единственное место, в котором собралась масса читателей, масса всевозможных поклонников, это наиболее разносторонняя публика и самое большое воплощение языка, традиций в обществе.

С другой стороны, Джеймс обнаруживает в Лондоне

The absence of style, or rather of the intention of style, is certainly the most general characteristic of the face of London [Там же, с. 523]. – Отсутствие стиля, или, скорее даже стремления к стилю, что, безусловно, является наиболее общей характеристикой лица города.

Он сравнивает Лондон с Парижем:

To cross to Paris under this impression is to find one's self surrounded with far other standards. There everything reminds you that the idea of beautiful and stately arrangement has never been out of fashion that the art of composition has always been at work or at play. Avenues and squares, gardens and quays, have been distributed for effect, and to-day the splendid city reaps the accumulation of all this ingenuity [Там же]. – Увидеть Париж – значит узреть себя в окружении совершенно других стандартов. Там все напоминает о том, что идея прекрасного и величественного никогда не выходила из моды, что искусство композиции всегда имело место. Проспекты и площади, сады и набережные были размещены эффектно, и сегодня великолепный город пожинает плоды всей этой изобретательности.

Для Джеймса перестроенный бароном Османом Париж буквально пропитан духом архитектуры, неумолимой страстью к тому, чтобы «*все соответствовало*». На взгляд Джеймса,

The result is not in every quarter interesting, and there is a tiresome monotony of the “fine” and symmetrical, above all, of the deadly passion of making things “to match”. On the other hand the whole air of the place is architectural [Там же, с. 524],

The London-lover has to confess to the existence of miles upon miles of the dreariest, stodgiest commonness. Thousands of acres are covered by low black houses of the cheapest construction, without ornament, without grace, without character or even identity. In fact there are many, even in the best quarters in all the region of Mayfair and Belgravia, of so paltry and inconvenient, especially of so diminutive type (those that are let in lodgings – such poor lodgings as they make – may serve as an example), that you wonder what peculiarly limited domestic need they were constructed to meet. The great misfortune of London to the eye (it is true that this remark applies much less to the city), is the want of elevation. There is no architectural impression without a certain degree of height, and the London street-vista has none of that sort of pride [Там же]. – Напротив, каждый почитатель Лондона должен признать факт существования целых миль скучнейшей тяжеловесной обыденности. Тысячи акров заполнены невысокими мрачными домами самой дешевой постройки, без украшений. Без изящества, без характера, и даже идентичности. Их множество даже в лучших кварталах, на всем пространстве Мэйфейера и Белгравии, настолько ничтожных и неуместных, особенно такого миниатюрного типа (те, которые сдают внаем, настолько жалкие, насколько только они могут быть), что вы задаетесь вопросом, для удовлетворения каких ограниченных потребностей в жилье они были построены.

Писатель считает, что огромным бедствием для Лондона является недостаток возвышенностей. Без определенного уровня возвышенности, на взгляд писателя, не создается должного архитектурного впечатления, и «*лондонским улицам в данном отношении гордиться нечем*».

Джеймс тем не менее считает, что если

<...> общий замысел в архитектуре Лондона и отсутствует, то присутствует, хотя и ненамеренно, некий стиль, который, если смотреть на него непредвзято, кажется, исходит из трех источников. – <...> if there be not the intention, there is at least the accident, of style, which, if one looks at it in a friendly way, appears to proceed from three sources [Там же].

Первый источник для Джеймса – это некое величие города, второй – атмосфера, поскольку город создает свой собственный климат и свои оптические законы, и третий – парки.

They spread themselves with such a luxury of space in the centre of the town that they form a part of the impression of any walk, of almost any view, and, with an audacity altogether their own, make a pastoral landscape under the smoky sky [Там же, с. 523]. – Они раскинулись с такой роскошью в центре города, что создают особое впечатление от любой прогулки и дерзают воплотить пасторальный пейзаж под туманным небом.

Отмечает он и эффектный акварельный сероголубой оттенок неба, который выглядит восхитительно романтично. Его привлекают сверкающие воды озера Серпентин в Гайд-парке и очаровательная перспектива, создающая впечатление сельской местности:

<...> shining stretch of Hyde park water <...> a footpath over the grass, which loses itself beneath the scattered oaks and elms exactly as if the place were a chase [Там же, с. 526]. – Тропинка в траве, которая теряется под раскидистыми дубами и вязами, как если бы это было местом охоты.

По мнению Джеймса,

There could be nothing less like London in general than this particular morsel, and yet it takes London, of all cities, to give you such an impression of the country [Там же]. – Лондон – один из тех городов, которые способны создать впечатление сельской местности.

Обращаясь к читателю, Джеймс замечает:

It takes London to put you in the way of a purely rustic walk from Notting Hill to Whitehall. You may traverse this immense distance – a most comprehensive diagonal – altogether on soft, fine turf, amid the song of birds, the bleat of lambs, the ripple of ponds, the rustle of admirable trees [Там же]. – Только в Лондоне вам представится возможность чисто деревенской прогулки от Ноттинг-Хилла до Уайтхолла. Вы можете пройти это огромное расстояние полностью по диагонали по прекрасному мягкому дерну, среди пения птиц, блеянья ягнят, ряби прудов, шороха восхитительных деревьев.

Иногда в мечтах писателю хотелось пожить «*в повседневной роскоши, в атмосфере романтики, быть правительственным чиновником, живущим в уютных домашних условиях на вилле в Пембридже, и присутствовать на утренних заседаниях в Вестминстере*. <...> И у меня должен быть выбор из сотни приятных дорог к воротам Гайд-Парка». Ему нравится Роу (верховая дорога в южной части парка), когда «*ранним утром можно наблюдать редких всадников, приближающихся бесшумным галопом*»:

Frequently have I wished that, for the sake of such a daily luxury and of exercise made romantic, I were a Government clerk living, in snug domestic conditions, in

a Pembridge villa, – let me purpose, – and having my matutinal desk in Westminster, <...> and I should have my choice of a hundred pleasant paths to the gates of Hyde Park I should follow the water-side, or the Row, or any other fancy of the occasion; liking best, perhaps, after all the Row in its morning mood, <...> with the scattered early riders taking an identity as the soundless gallop brings them nearer [Там же].

Парк напоминает Джеймсу то римский амфитеатр, где на арене появляются донжуаны и изысканные красавицы былых времен, то театральную ложу в опере, где *«все течет, все струится, все изменяется»*:

So it all looks, with its myriad variations and qualifications, <...> better than any box at the opera, spurts and slackens with the current [Там же, с. 529].

После пасторальных сцен Гайд-парка он обращается к иному Лондону, в котором существует множество самых темных сторон жизни с уродством и жестокостью:

<...> the edge of Westminster evokes as many associations of misery as of empire <...> a thousand smutty children are sprawling over it, and the unemployed lie thick on the grass and cover the benches with a brotherhood of greasy corduroys [Там же, с. 530].

Окраина Вестминстера *«больше напоминает <...> о нужде, чем об имперском величии»*, где *«тысячи чумазных детей расползаются повсюду, а армия безработных валяется на траве и покрывает скамейки горами засаленного вельвета»*.

Джеймс предупреждает:

<...> Лондон настолько груб и безжалостен, что он собрал вместе такое множество темных сторон жизни, что почти абсурдно говорить о нем, как влюбленный говорит о своей даме сердца, и легкомысленно будет игнорировать его уродство и жестокость. Он подобен могучему людоеду, пожирающему человеческую плоть, <...> он мало обращает внимания на то, что ест, пока ничем не ограничен, но малейшее движение вправо или влево отвлечет его внимание от одной жертвы и привлечет к другой. – London is so clumsy and so brutal, and has gathered together so many of the darkest sides of life, that it is almost ridiculous to talk of her as a lover talks of his mistress, and almost frivolous to appear to ignore her disfigurements and cruelties. She is like a mighty ogress who devours human flesh <...> She heeds little what she takes, so long as she has her stint, and the smallest push to the right or the left will divert her wavering bulk from one prey to another [Там же, с. 531].

Символы тигра и людоеда в картине Лондона не случайны:

<...> a capital antidote to the morbid, to live with her successfully is an education of the temper, a consecration of one's private philosophy. <...> She may take away reputations, but she forms character. She teaches her victims not to "mind", and the great danger for them is perhaps that they shall learn the lesson too well [Там же, с. 532].

Джеймс понимает, что выжить в этом городе сложно, но есть *«главное противоядие от всех ужасов»*, для того чтобы *«жить с ним в согласии, – это воспитание характера, погружение в собственную философию»*. Он может разрушить репутацию, но формирует характер. Он учит своих жертв *«не обращать внимания»*, и величайшая опасность для них, возможно, заключается в том, что они должны усвоить этот урок слишком хорошо.

В этом очерке Джеймс, на наш взгляд, стремился объяснить самому себе справедливость решения обосноваться в столице Великобритании. Исходя из теоретических постулатов В. А. Лукова, реальное «общее» Лондона у Джеймса встраивается в «свое», занимая в структуре тезауруса место «частного», поскольку все новое для того, чтобы занять определенное место в тезаурусе, «должно быть в той или иной мере освоено (буквально сделано своим)» [Луков, с. 15].

Джеймс признавался, что должен писать «хорошо ли, плохо ли об Англии: ее я сейчас больше вижу и, в известном случае, больше знаю» [Brooks]. Его литературная судьба будет отныне связана с Великобританией, со Старым Светом.

Список литературы

Акройд П. Лондон: Биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М.: изд-во Ольги Морозовой, 2007. 896 с.

Луков В. А. История литературы: зарубежная литература от истоков до наших дней. М.: издательский центр «Академия», 2003. 512 с.

Селитрина Т. Л. Революционная тематика в романе Генри Джеймса «Княгиня Казамассима» // Революция и революционный дискурс в США / Сб. ст. под ред. В. И. Журавлевой, И. В. Морозовой, Х. Б. Фернандеса. М.: РГГУ, 2019. С. 190–202.

Brooks Van Wyck. The Pilgrimage of Henry James. N.Y.: E. P. Dutton and Co., 1925. Pp. 118–119.

James Henry. London // The Portable Henry James / Ed. with an introduction by Morton Dauwen Zabel. N.Y.: The Viking Press, 1979. Pp. 513–532.

James Henry. Preface to «The Princess Casamassima» // The Art of the Novel. Critical Prefaces. With an Introduction by Richard R. Blackmur. N.Y.: Scribner's, 1934. Pp. 59–77.

James Henry. The Notebooks of Henry James. Ed. by F. O. Matthiessen, Kenneth B. Murdock. N.Y.: Oxford university press, 1947. 425 p.

References

Akroid, P. (2007). *London: Biografiia* [London: The Biography]. Per. s angl. V. Babkova, L. Motyleva. 896 p. Moscow, izd-vo Ol'gi Morozovoi. (In Russian)

Brooks, Van Wyck. (1925). *The Pilgrimage of Henry James*. N.Y., E. P. Dutton and Co., pp. 118–119. (In English)

James, Henry. (1979). *London. The Portable Henry James*. Ed. with an introduction by Morton Dauwen Zabel. Pp. 513–532. N. Y. The Viking Press. (In English)

James, Henry. (1934). *Preface to "The Princess Casamassima"*. The Art of the Novel. Critical Prefaces.

With an Introduction by Richard R. Blackmur. Pp. 59–77. N. Y. Scribner's. (In English)

James, Henry. (1947). *The Notebooks of Henry James*. Ed. by F. O. Matthiessen, Kenneth B. Murdock. 425 p. N. Y. Oxford university press. (In English)

Lukov, V. A. (2003). *Istoriia literatury: zarubezhnaia literatura ot istokov do nashikh dnei* [The History of Literature: Foreign Literature from Its Origins to the Present Day]. 512 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Akademiia". (In Russian)

Selitrina, T. L. (2019). *Revoliutsionnaia tematika v romane Genri Dzheimsa "Kniaginia Kazamassima"* [Revolutionary Themes in Henry James's Novel, 'Princess Casamassima']. *Revoliutsiia i revoliutsionnyi diskurs v SShA*. Sb. st. pod red. V. I. Zhuravlevoi, I. V. Morozovoi, Kh. B. Fernandesa. Pp. 190–202. Moscow, RGGU. (In Russian)

The article was submitted on 04.05.2019

Поступила в редакцию 04.05.2019

Селитрина Тамара Львовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы,
450008, Россия, Уфа,
Октябрьской революции, 3а.
selitrina@yandex.ru

Selitrina Tamara Lvovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Bashkortostan State Pedagogical University
(BSPU) named after M. Akmullah,

3a October Revolution Str.,
Ufa, 450008, Russian Federation.
selitrina@yandex.ru